

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.647-660

КОМИССИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ С. П. СУХОДОЛЬСКОГО 1905 Г.

Денис Валериевич Конкин

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Аннотация. В статье впервые раскрываются подробности создания и работы «Особой Комиссии для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников и зданий» под руководством С. П. Суходольского. Данная Комиссия была учреждена в 1905 г. в Санкт-Петербурге при МВД с целью систематизации и выработки единого законодательного проекта по охране памятников древности Российской империи. В ее работе были задействованы ведущие специалисты и ответственные чиновники, хорошо знакомые с данной тематикой, включая таких известных общественных, научных и государственных деятелей, как А. А. Бобринской, Н. П. Кондаков, Н. В. Султанов, П. Ю. Сюзор, Н. В. Покровский и др. Несмотря на краткость своего функционирования, несовпадение взглядов ее членов на ряд ключевых параметров проблемы, выработанные Комиссией «Особые Положения» стали важным заделом в последовавшие позднее попытки государственной власти создать всеобъемлющий законодательный документ по охране культурного наследия в Российской империи. Обсуждаемые на заседаниях вопросы являлись срезом общественных и государственных представлений по ключевой проблематике в рассматриваемый период. В качестве дополнительной характеристики значения работы Комиссии Суходольского, иллюстрации практического взаимодействия столичного учреждения с региональными субъектами задействован крымский контекст, богатый памятниками античности, средневековья и нового времени.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, памятники археологии, охрана культурного наследия, Комиссия Суходольского, А. А. Бобринской, Н. П. Кондаков

P. S. SUKHODOL'SKII'S COMMISSION OF 1905

Denis V. Konkin

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Abstract. First in the scholarship, this article provides detailed research of the creation and work of the Special Commission for the Revision of Current Regulations Regarding Ancient Monuments and Buildings headed by S. P. Sukhodol'skii. This Commission was established in 1905 at the Home Ministry in St Petersburg with the aim of systematizing and developing unified legislative project for the protection of ancient monuments in the Russian Empire. Its work involved leading specialists and responsible officials familiar with the subject, including such renowned public, academic, and government figures as A. A. Bobrinskoi, N. P. Kondakov, N. V. Sultanov, P. Iu. Siuzor, N. V. Pokrovsky, and others. Despite the short period of existence and the divergence of its members' views on a number of key aspects, the Commission developed the "Special Provisions" which became an undertaking for later governmental efforts to create a comprehensive legislative document for the cultural heritage protection in the Russian Empire. The issues discussed at the meetings represented the "cross-section" of public and government views on key issues during the period under study. The case of the Crimea, with abundant ancient, mediaeval, and modern monuments and sites, has been attracted to supply an additional characteristic of the works done by the Sukhodol'skii's Commission and to illustrate practical interaction between the capital's institution and regional entities.

Keywords: Russian Empire, Crimea, archaeological monuments and sites, cultural heritage protection, Sukhodol'skii's commission, A. A. Bobrinskoi, N. P. Kondakov

Проблема охраны культурного наследия в России, законодательной защиты исторических памятников имеет долгую историю и, по-прежнему, остается важным маркером общественного согласия в государстве. В настоящее время связанные с ней вопросы приобретают

особую актуальность, поскольку продолжают не всегда удачные попытки оптимизировать действующее законодательство, в частности, в таких направлениях, как сохранение археологического наследия, порядок регламентации археологических работ [34, с. 187–195]. Для объективной оценки современного положения в деле охраны и учета историко-культурного наследия государства, как никогда важно знать и принимать во внимание правовые традиции в данной сфере, сформированные в предыдущие исторические периоды. В настоящей публикации будет раскрыт один из важных эпизодов проблемы, связанный с деятельностью сформированной в 1905 г. при Министерстве внутренних дел Российской империи (далее – МВД) «Особой Комиссии для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников и зданий» под председательством С. П. Суходольского (далее – Комиссия Суходольского). Ссылки на работу Комиссии Суходольского неоднократно встречаются в историографии, но, как правило, события упоминаются вскользь [см., напр.: 27, с. 102; 18, с. 117–119; 13, с. 364; 16, с. 35; 32, с. 46; 4, т. 1, с. 225–227] или в контексте общей проблематики формирования законодательства по охране памятников древности в Российской империи [10, с. 102–110; 5, с. 94–97]. Между тем, предыстория создания Комиссии Суходольского, состав входящих в нее ведомств, личная мотивация конкретных участников достаточно выпукло характеризуют общее состояние проблемы сохранения культурного наследия в Российской империи в рассматриваемый период, демонстрируют позицию государства по этому поводу во время острейших внешне- и внутривластных кризисов. В настоящей публикации впервые будут изложены подробности создания и деятельности Комиссии Суходольского. В качестве дополнительной характеристики значения ее работы, иллюстрации практического взаимодействия столичного учреждения с региональными субъектами, при необходимости, задействован крымский контекст, богатый памятниками античности, средневековья и нового времени.

Попытки систематизировать и обобщить в рамках единого юридического документа разноплановые законы и постановления, направленные на сохранение и учёт памятников старины неоднократно предпринимались в Российской империи, начиная со второй половины XIX века. Научные сообщества, общественные организации, региональные чиновники регулярно обсуждали, обращались в органы центральной власти с просьбами и воззваниями внести корректировки в действующие законодательные акты в данной сфере, конкретизировать их использование [см.: 18; 29, с. 103–106; 16, с. 113–122, 224–237; 10, с. 84–95; 31; 4, т. 2, с. 1237–1400]. Применительно к Крыму можно указать, например, на доклад Ал. И. Маркевича «О сохранении старинных памятников», представленный в 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве, где краевед обратил внимание на происходившее разрушение укреплений Чобан-Куле около Судака и Арабатской крепости, «неприличном виде» керченской горы Митридат и предложил распределить обязанности по охране памятников старины среди научных историко-археологических учреждений, а также, в целом, оптимизировать законодательство «о сохранении памятников древности» [8, с. 159–161]. Доклад этот получил сочувственные отклики от председателей Московского археологического общества (далее – МАО) П. С. Уваровой и Императорской археологической комиссии (далее – ИАК) графа А. А. Бобринского. Кроме того, в рамках обсуждения доклада обговаривалась проблема отсутствия общероссийского реестра подлежащих охране древностей, в связи с чем было предложено обратиться в МВД с просьбой «подтвердить циркулярно» необходимость сохранения исторических объектов [8, с. 161].

В самом МВД вопросы, связанные с охраной памятников старины, были хорошо известны. Общее видение ситуации внутри министерства по состоянию на конец XIX в. помогают осветить ведомственные архивные документы. В хранящемся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) объемном деле «Об охране памятников древности и о пересмотре действующих постановлений относительно охранения и ремонта древних зданий и памятников. 1901–1916 гг.» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а] находится, предвзвешивая всю последующую документальную коллекцию, особая записка «Для памяти. По вопросу об охране древних памятников», в которой были зафиксированы основные, с точки зрения чиновников министерства, проблемы сохранения историко-культурных объек-

тов России, актуализировавшиеся после воцарения Николая II. В частности, отмечалось, что утвержденное в 1889 г. «Высочайшее повеление», согласно которому ИАК получила исключительное право выдавать разрешения на проведение археологических раскопок на казенных и общественных землях, а также согласовывать, после консультации с Императорской Академией художеств, все планы по реставрации монументальных памятников древности [15, т. 9, № 5841, с. 95], соблюдалось только в правление Александра III. «Ныне (то есть в самом конце XIX в. – Д.К.) обращаются в Археологическую Комиссию только те Ведомства, которые того пожелают. Иные реставрационные планы направляются в Московское археологическое общество, которое их в Комиссию не пересылает. Другие направляются в Особую комиссию при Синоде, где также не испрашивается мнение Археологической Комиссии. Большинство реставраций производится без разрешения, по усмотрению местных властей, а так как главное число русских древних монументальных памятников составляют церкви, то на деле духовенство беспрепятственно уничтожает, замазывает и переделывает старину часто самым грубым образом. Отсутствует надзор, отсутствует власть, которая бы запрещала приступать к ремонту до утверждения плана законным порядком» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 2об.–3]¹. В связи с чем предлагалось («Что желательно») создать «местные комитеты, которые описали бы все древние памятники района, вели бы им списки, следили бы за их сохранностью». Учредить их можно было на основе действовавших статистических комитетов, усиленных представителями архивных комиссий или археологических обществ, под кураторством ИАК [там же, л. 3]. Ближайшим же действием для выполнения обозначенных планов («Ныне желательно») значилось учреждение Комиссии при МВД из представителей ИАК, Св. Синода, Академии Художеств и министерства народного просвещения «с целью установить правильное отношение всех ведомств к делу надзора и реставрации памятников старины», при этом, как специально отмечалось в записке, обязательно под председательством «крупного чина министерства (дабы сохранить дело надзора за памятниками в МВД)» [там же, л. 3–3об.].

Именно в развитие данной идеи 12 декабря 1897 г. товарищ министра внутренних дел князь А. Д. Оболенский (человек влиятельный, в недалёком будущем обер-прокурор Святейшего Синода) направил председателю ИАК Бобринскому письмо по поводу сложившейся ситуации с системой охраны и учёта памятников древности в России. В частности, отметил, что по действовавшему на тот момент законодательству (ст. 181–183, Строительного Устава 1857 г. [20, с. 41]) на МВД и подведомственные ему губернские начальства было возложено «попечение об охранении от разрушения остатков древних замков, крепостей, памятников и др. зданий древности, а также об исправлении и поддержании их» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 г., д. 30, л. 1]. Но для успешного выполнения этих обязанностей у министерства не имелось ни точных сведений «о всех находящихся в государстве памятниках древности», ни компетентных лиц для определения, какие здания имеют «особенно важное значение» и потому «требуют преимущественного ... охранения и поддержания» [там же, л. 1об.]. Эти причины не позволяли своевременно принимать меры по сохранению памятников от разрушений. В то же время ИАК, согласно утвержденному ещё в 1859 г. «Положению», своей целью имел сбор сведений о памятниках древности и их «ученую оценку» [14, т. 3, ч. 1, с. 70]. Поэтому Оболенский просил Бобринского прислать имеющиеся в ИАК сведения о древних памятниках и сооружениях, «с указанием, какие из них подлежат сохранению ... путем лишь наблюдения со стороны местных властей», а какие требуют «исправлений и починок», а также информацию, в чем должны заключаться эти исправления «и в какой постепенности, соответственно историческому значению и современному состоянию каждого отдельного здания и сооружения, следовало бы производить работы» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 г., д. 30, л. 2–2об.].

В ответ Бобринской пообещал Оболенскому, что «ИАК озаботится всесторонним обсуждением предложенного ей вопроса» [там же, л. 6] и 4 марта 1898 г. представил на рассмотрение в МВД развернутый обзор правительственных мер, предпринятых ранее для учёта и сохранения древних памятников, а также «соображения Комиссии по этому предмету» [там

¹ Об исполнительной дисциплине указа 1889 г., см.: [4, т. 1, с. 218–223]; о действиях Синода: [4, с. 213–216].

же, л. 7–11 об.; см. также: 12, с. 143–150; 11, с. 181–185]. В присланном обзоре, помимо всего прочего, было отмечено, что «вопрос о мерах к приведению в полную известность наших древних памятников (к числу прежних присоединились теперь ещё множество интереснейших памятников в среднеазиатских владениях России), равно как и к охране их, все ещё остаётся открытым» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1900 г., д. 30, л. 10]. В связи с чем Бобринской предложил создать при МВД «особую Комиссию» для выработки всеобъемлющего законопроекта по охране памятников старины [там же, л. 7 об.]. Проведенная тогда же ревизия архивных материалов МВД в поисках каких-либо списков, чертежей и планов древних памятников показала отсутствие упорядоченного реестра и системных сведений о многочисленных уникальных объектах, расположенных на просторах необъятной империи [там же, л. 17–30; 28, с. 82–83]. Например, никакой информации в ведомственном хранилище не было о многочисленных крымских древностях [там же, л. 20–22, 28, 30, 32].

К началу XX в. проблема сохранения памятников старины получила более широкий общественный резонанс. В августе 1901 г. на страницах столичных («Биржевые ведомости» от 7 авг. 1901 г.) и московских («Новости дня» от 25 авг. 1901 г.) периодических изданий вышли публикации, в которых поднималась проблема уничтожения культурно-исторического наследия в провинции. На эти статьи обратил внимание уже непосредственно министр внутренних дел Д. С. Сипягин, который к проблемам исторического наследия России относился с большим сочувствием, вращался в кругу ценителей русских древностей, сам являлся автором нескольких исторических брошюр и коллекционером русского антиквариата [3; 7, с. 117], к тому же был женат на дочери известного археографа и коллекционера П. П. Вяземского [2, с. 383]. Как результат, 6 сентября 1901 г. за подписью министра Сипягина всем российским губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам был разослан Циркуляр под № 10 (опубликован в «Правительственном вестнике» от 12(25) сентября 1901 г.), где было отмечено, что «о многих древностях и памятниках ... новейшего времени ... в Министерстве не имеется достаточно полных сведений, причем имеются указания, что некоторые древности по отсутствию надлежащего надзора и охранения их, совершенно разрушаются». В связи с чем «признавая необходимость сосредоточить в Министерстве сведения о всех существующих древних зданиях и памятниках старины, а равно о памятниках новейшего времени, воздвигнутых или воздвигаемых в честь высочайших особ или в память разных событий», губернским начальникам предписывалось в срок до 1 апреля 1902 г. составить и прислать «точный список, имеющихся во вверенной Вам губернии, таковых памятников» [33, с. 1].

Следует напомнить, что рассматриваемый период был чрезвычайно сложным с точки зрения внутривнутриполитических процессов в Российской империи. В устоявшуюся систему функционирования государственного бюрократического механизма постоянно вмешивались трагические экстраординарные происшествия. Так и в нашем случае, инициатор и куратор процесса министр Сипягин 2 апреля 1902 г. был убит террористом-эсером. Тем не менее, решение проблемы не было отложено, а напротив, вскоре после убийства Сипягина, 13 мая 1902 г. вопрос о сохранении памятников старины был рассмотрен на Общем Собрании Государственного Совета – высшего законосовещательного учреждения Российской империи, возглавляемого великим князем Михаилом Николаевичем (сыном Николая I).

Событием, заставившим обратить внимание на проблему уже на самом высоком государственном уровне, стала история с перестройкой церкви свв. Космы и Дамиана, расположенной в г. Муроме на берегу р. Ока, которая, по преданию, была заложена в 1552 г. царём Иваном Грозным [30]. Эта шатровая церковь находилась в запущенном состоянии. С начала XIX в. регулярная служба в ней не проводилась [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 22], храм постепенно ветшал и в 1868 г. утратил свой шатёр в результате естественного обрушения [9, с. 129]. На плачевное состояние полуразрушенного памятника указывал председатель МАО граф А. С. Уваров, затем и его преемница П. С. Уварова. В результате, городской думой Мурома стали выделяться средства на поддержание постройки, впрочем, направленные в первую очередь на берегоукрепительные работы, также был подготовлен план восстановительных работ церкви [30]. Но в 1901 г. городская дума Мурома неожиданно решила прекратить финансирование памятника старины и вынесла соответствующее

постановление, на которое незамедлительно был наложен запрет Владимирским губернским присутствием, посчитавшим, что поддержание церкви – прямая обязанность городских властей. Этот запрет городской голова Муром И. М. Каратыгин решил обжаловать в столице, но итог получился совсем не таким, на который рассчитывал чиновник. Весной 1902 г. обращение Каратыгина было рассмотрено на заседании Госсювета. Разобравшись в законодательных дебрях, касавшихся ответственности властных структур в отношении памятников старины, высший законосовещательный орган империи подготовил подробное «Мнение» (от 13 мая 1902 г.) по этому поводу, согласно которому жалобу городского головы Мурома было решено «оставить без последствий», обязав городские власти, по прежнему, заботиться о сохранности Космодамианской церкви [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 24–25].

Важным обстоятельством стал то факт, что данное Мнение Госсювета 27 мая 1902 г. было утверждено императором Николаем II [там же, л. 24]. И далее последовало уведомление Госсекретаря В. Н. Коковцева к новоизбранному министру внутренних дел В. К. фон Плеве и министру юстиции Н. В. Муравьеву с поручением уже не просто собрать сведения об историко-культурных объектах, как было предписано в Циркуляре № 10, а в соответствии с «Высочайшим повелением» целиком пересмотреть «действующие постановления относительно древних памятников и зданий» и внести собственные предложения для законодательного разрешения вопроса [там же, л. 23; 18, с. 117]. Именно после этого «высочайшего повеления», министр фон Плеве, подробно ознакомившись с обстоятельствами дела, 19 июля 1902 г. приказал «образовать Комиссию» под председательством тайного советника, члена совета министра внутренних дел Сергея Петровича Суходольского² [там же, л. 31–31об.].

Но фактическому началу работы Комиссии ещё долгое время препятствовало отсутствие необходимых сведений о памятниках старины. Как говорилось выше, в соответствии с Циркуляром № 10 реестры историко-культурных объектов региональными начальниками должны были быть предоставлены в МВД к 1 апреля 1902 г. По состоянию же на 5 июня 1902 г. такие сведения были получены только из 51 региона (в том числе от Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальников) [там же, л. 26, 27], в связи с чем министерство вынуждено было разослать повторный запрос губернаторам-должникам, в том числе и Таврическому [там же, л. 30]. К 23 сентября 1902 г. были получены ответы ещё от 18 губерний (включая уже и Таврическую). Не приславшими списки числилось 23 региональных начальника, к которым было направлено очередное обращение «в непродолжительное время» предоставить недостающие сведения [там же, л. 26, 31об., 32].

В итоге отчеты были получены более чем из 80 губерний и областей, 9 городов и отдельно с о. Сахалин. Общее количество зафиксированных объектов, с учетом размеров государства, было впечатляющим. Согласно присланной информации, на начало XX в. в Российской империи насчитывалось 2456 «древних памятников, зданий и сооружений» и 1652 «исторических памятника», всего же 4 108 объектов, подлежащих сохранению [11, с. 188–189]. Лидерами оказались такие регионы, как Курская, Нижегородская, Московская губернии (228, 204, 201 древних и исторических памятников, зданий и сооружений, соответственно). В Москве и вовсе насчитали 433 подобных объекта. На этом фоне показатели Таврической губернии выглядели достаточно скромно: 20 «древних памятников, зданий и сооружений» и 11 «исторических памятников», кроме того, в Севастополе таких объектов числилось 14 и 23, соответственно, также по 5 тех и других зафиксировали в Керчи-Еникале [там же].

По замечанию А. М. Разгона, это были, конечно, условные данные, поскольку не существовало единого критерия оценки памятников и их историко-культурной значимости, многие из них попали в реестр случайно [18, с. 99]. Данный вывод хорошо иллюстрируется крымскими эпизодами. Например, чиновник особых поручений при Керчь-Еникальском градоначальнике А. М. Гринкевич-Мочульский в соответствии с прямым указанием циркуляра № 10 настойчиво требовал от керченской городской управы «сведений и фотографий» не только о древних объектах, но и о постройках, «воздвигнутых в честь Высочайших Особ

² Потомственный дворянин, юрист по образованию, профессионально и много работал в различных государственных правовых учреждениях: был и прокурором, и судьёй, Волынским, а затем Ковенским губернатором, с 1901 г. тайный советник, член совета министра МВД [1, с. 739–740].

и в память разных событий». В число последних, по мнению чиновника, помимо памятника-часовни на могиле И. А. Стемпковского или бывшего музея древностей на горе Митридат («Тезеев храм»), входили и здания городских школ, воздвигнутых в честь «Высочайших Особ», и даже ночлежные дома [ГАРК, ф. 455, оп. 1, д. 5466, л. 1–3]. В результате в отчет керчь-еникальского градоначальства, наряду с известными памятниками, попали подробные сведения о таких «объектах культурного наследия», как построенные на рубеже XIX–XX вв. совершенно типовые здания Катерлезской, Аджимушкайской, Капканской, Баксинской и Булганакской народных школ [там же, л. 10], важным достоинством которых являлось то обстоятельство, что возведены они были в честь императора Александра III. Схожая ситуация присутствовала и в других регионах, например, в среднеазиатских или кавказских провинциях [28, с. 87–90].

Когда все сведения о памятниках были собраны в столичном ведомстве, в ход событий вновь вмешался террористический акт: 15 (28) июля 1904 г. с помощью бомбы был убит очередной министр внутренних дел В. К. фон Плеве. Новым министром был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, который не стал сворачивать планы предшественников и письменно уведомил глав заинтересованных ведомств (Святейший Синод, министерство императорского двора, министерство народного просвещения, военное министерство и др.) о необходимости назначить квалифицированных участников для работы в составе Комиссии [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., л. 51–58], а также согласовал на должность ее председателя выдвинутую ранее кандидатуру Суходольского [там же, л. 48].

В итоге учрежденная при МВД «Особая Комиссия, для пересмотра действующих постановлений относительно древних памятников и зданий» под председательством Суходольского на своё *первое заседание* собралась **22 февраля 1905 г.** Накануне этой даты, после событий «кровавого воскресенья», подал в отставку очередной глава МВД Святополк-Мирский, и к моменту открытия Комиссии министерство внутренних дел возглавлял уже новый, четвертый по счету с момента возникновения идеи ее учреждения, руководитель ведомства А. Г. Булыгин.

Целью создания Комиссии Суходольского, как можно понять из её названия, являлся анализ действовавшего законодательства Российской империи в отношении памятников древности, представлявшего собой на тот момент «отрывочные постановления» различных государственных структур, дальнейшая его систематизация с целью подготовки единого и актуального законопроекта. Для профессионального и аргументированного обсуждения проблемы в её состав вошли подготовленные чиновники и авторитетные исследователи от профильных государственных учреждений и представители общественных и академических организаций: от министерства народного просвещения – колл. сов. С. В. Рождественский (историк, будущий член-корреспондент АН СССР); от военного министерства – проф. Николаевской Академии Генштаба, генерал-майор Б. М. Коллюбакин; от министерства Императорского двора – от Академии Художеств действительный член Академии, тайный советник Н. П. Кондаков, от Императорской археологической комиссии её председатель, гофмейстер, граф А. А. Бобринской; от ведомства Православного Исповедания – заслуженный профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, директор Санкт-Петербургского Археологического института, тайный советник Н. В. Покровский; от МВД – председатель Техническо-Строительного Комитета (далее – ТСК), член Академии Художеств, архитектор, тайный советник Н. В. Султанов; а также состоящий при министерстве академик архитектуры действ. ст. сов. П. Ю. Сюзор, вице-директор Департамента Общих Дел (далее – ДОД) МВД, ст. сов. В. В. Владимиров и начальник отделения, колл. сов. Д. Г. Явленский. Делопроизводителем был назначен столоначальник ДОД, колл. асс. М. К. Якимов [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., л. 107–107об.].

Повестка дня и подробности обсуждения первых двух заседаний (*второе заседание* состоялось **7 марта 1905 г.**) были зафиксированы в особом «Журнале» [там же, л. 80–87]. При открытии первого заседания, на котором присутствовали все члены Комиссии, Суходольский сделал краткий доклад-очерк «о современном положении в России дела охранения памятников старины». В частности отметил, что «на великом пространстве Российской Им-

перии сохранилось до наших дней множество различного рода памятников древности, являющихся красноречивыми свидетелями тысячелетней исторической жизни русского народа и племен, населяющих Россию, или некогда в ее пределах обитавших», и эти памятники «по своему разнообразию, многочисленности и важному историческому значению, составляют ценный материал, не только для отечественной истории, но и для науки вообще», то есть имеют мировое значение. При этом, хотя стремление к сохранению «драгоценных остатков» в Российском государстве наблюдалось еще в «самые отдаленные времена», но в современном российском законодательстве «не содержится сколько-нибудь серьезных постановлений, направленных к охранению памятников древности» [там же, л. 80об.].

Далее Суходольский перечислил актуальные на тот момент статьи из Свода Законов в названной сфере: во-первых, п. 10, ст. 372 из «Учреждения министерств» (1892 г.), согласно которому «дела по собранию сведений о древних зданиях и вообще находимых древностях» находились в ведении ДОД МВД [21, с. 52]; во-вторых, ст. 328 из «Общего Учреждения Губернского» (1892 г.), в которой на губернаторов возлагалась обязанность немедленно доносить в МВД «о всех находимых в губерниях древностях ... с надлежащею точностию и подробностию» [22, с. 32]; и в третьих, ст. 76–79 Строительного Устава (1900 г.), где, среди прочего, был зафиксирован «строжайший запрет» на разрушение «древних, замков, крепостей, памятников и других зданий древности» под ответственность губернаторов и местной полиции [24, с. 64–65].

Эти «немногие правила», по мнению Суходольского, не достигали своей цели, поскольку местные полицейские чиновники и городские власти элементарно не умели различить «старое от нового, достопримечательное от неимеющего значения» [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 81]. В связи с чем, помимо выработки системного и понятного законодательства в сфере охраны культурного наследия, актуальной задачей оставалось составление общегосударственного реестра памятников, предметного определения, «какие именно памятники древности заслуживают охранения». Именно с целью решения этой задачи и была в 1901 г. инициирована министром Сипягиным рассылка Циркуляра № 10 во все регионы Российской империи [там же, л. 81об.]. И вот, наконец, «по собириании Министерством всех сведений ... и была образована настоящая Комиссия», – резюмировал Суходольский свой доклад [там же, л. 82].

Но именно качество собранных в результате рассылки циркуляра материалов вызвало острое нареkanie среди членов Комиссии. Даже беглый предварительный осмотр присланных губернскими начальниками отчетов выявил «крайнюю неполноту этих сведений и значительные в них погрешности». И, например, информация о таких насыщенных памятниками древности регионах, как Кавказ и Средняя Азия, полностью отсутствовала. Поэтому составление качественного и подробного каталога памятников старины оставалось, по мнению членов Комиссии, первостепенной задачей, «...ибо нельзя охранять того, что не приведено еще в известность» [там же, л. 82–82об.].

Объем и характер стоявших перед Комиссией задач представлялся настолько велик и специфичен, что вынудило даже двух ее участников, тайных советников Кондакова и Султанова, которые оба являлись членами Академии Художеств, выступить с особым мнением. Известные деятели науки и искусства, не понаслышке знавшие все нюансы проблемы, отметили, что нужно профессионально дополнить собранный ранее археологический материал, в том числе с использованием письменных источников [там же, 82об.]. Прежде всего, это должно было касаться «таких драгоценных пунктов, хранящих древности нашего отечества», как Москва, Киев, Новгород, Ярославль и Ростов, Владимир и Суздаль, Тверь и Вологда, Нижний Новгород и Кострома. Отдельно оговаривали необходимость составить «хотя бы краткий список древних памятников Крыма, Кавказа и Средней Азии» [там же, л. 82об.]. Далее специалисты указали на необходимость при разработке российских правил по охране памятников историко-культурного наследия воспользоваться опытом западноевропейских государств, справочными материалами и пособиями иностранного законодательства. Обратили внимание и на отсутствие в составе Комиссии целого ряда общественных организаций, давно и надежно зарекомендовавших себя в деле сохранения памятников ста-

рины: Московского археологического общества, Одесского общества истории и древностей, Казанского и Кавказского археологических обществ и др. В целом же, с учетом масштаба проблем и количества поставленных перед Комиссией задач, необходимости высоких затрат при внедрении разрабатываемого законопроекта, обременительного для государства в условиях военного времени, Кондаков и Султанов посчитали занятия Комиссии несвоевременными и предлагали отложить ее работу до осени 1906 года [там же, л. 88–89].

Но данное предложение не нашло отклика у остальных участников Комиссии. Большинство голосов (6 против 2, последними предсказуемо стали Кондаков и Султанов) было принято решение продолжить ее работу, сосредоточившись на определении порядка и способов охраны древних памятников [там же, л. 85]. При этом договорились вывести за пределы будущего законопроекта вопросы, связанные с архивными документами, поскольку архивная реформа составляла «отдельную заботу правительства» и уже обсуждалась в 1903 г. в рамках «Особого Совещания» под руководством состоявшего на тот момент директором ДОД Б. В. Штюрмера.

Важным, по мнению членов Комиссии, являлся вопрос хронологического критерия: начиная с какого периода памятник должен подлежать обязательной охране? Относительно скульптурных, мемориальных объектов ответ был очевиден: «Всякий памятник, даже недавно воздвигнутый, как например, памятник тысячелетия России или Екатерине II, имеет историческое значение и свое место в истории искусств». Но степень историко-культурного значения у каждого объекта могла разниться и подлежала обсуждению уже в рамках будущего органа, ответственного за охрану памятников старины. Пока такое учреждение не было образовано и адекватный реестр объектов культурного наследия не был составлен, Комиссия посчитала целесообразным в отношении недвижимых памятников и архитектурных объектов в качестве ключевого критерия установить 150 летний период их существования, по истечении которого «историческое сооружение *eo ipso* становится памятником древности, подлежащим охранению» [там же, л. 87].

Действие выработанных Комиссией законоположений предлагалось сделать универсальным для всех государственных учреждений и структур. Но одной из ключевых проблем оставался вопрос историко-культурных ценностей, объектов недвижимости, находившихся в частной собственности. Изначально, еще с появлением первых «высочайше утвержденных» законодательных инициатив по охране памятников старины, неизменно подчеркивалось, что ограничения и запреты относились исключительно к предметам и объектам, относящимся к казенному ведомству [19, с. 351–352]. И, например, даже в проекте особых статей Строительного Устава, регламентировавших действия по охране архитектурных объектов культурного значения, разработанном в 1903 г. «Особой Комиссией» при МВД под руководством вышеупомянутого Б. В. Штюрмера (и в составе которой работали Бобринской и Султанов, отлично понимавшие всю глубину проблемы), в отношении древних памятников, находившихся в частном владении, предусматривалась только возможность их отчуждения за определенное вознаграждение (ст. 8) [11, с. 192–195], в соответствии с действовавшими статьями (ст. 577–578) Законов Гражданских [23, с. 62]. На фоне предусмотренных в том же законопроекте обязательных условий и ограничений в отношении объектов, расположенных на казенных, общественных, церковных землях, это выглядело очень лаконично и лояльно по отношению к частным собственникам. По этому поводу в протоколе первых заседаний Комиссии Суходольского специально было отмечено: «вопрос ... о праве частного владельца свободно распоряжаться принадлежащими ему древними вещами и сооружениями и праве будущего охранительного органа вмешиваться в эти распоряжения, представляется столь сложным», что для окончательного вердикта членам Комиссии потребуется, как минимум, предварительно ознакомиться с актуальными иностранными постановлениями [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 87].

На третьем по счету **заседании**, которое состоялось **14 марта 1905 г.**, как раз и было заслушано сообщение члена Комиссии Сюзора об охране исторических памятников в Западной Европе. Докладчик отметил, что апробированной практикой в части европейских стран являлась ситуация, когда существовал единый орган, ответственный за охрану памят-

ников старины [там же, л. 100]. Наиболее действенным был признан австрийский вариант, где «Императорская Королевская Центральная Комиссия художественных и исторических памятников» ведала не только охраной исторических объектов, но и их исследованием. В провинциях это учреждение имело местных представителей: окружных консерваторов (в количестве 164 человек) и их помощников-корреспондентов (215 чел.). Схожие учреждения с региональными филиалами имелись и в других европейских государствах: Франции, Италии, Дании, Бельгии, Голландии, Испании, Пруссии и др. [там же, л. 101об., 102]. По мнению членов Комиссии, именно по этому принципу необходимо было выстраивать систему и в Российской империи, где отсутствовал централизованный орган, единолично ответственный за охрану памятников старины. При этом «некоторые члены Комиссии», еще даже не приступая к обсуждению конкретных параметров будущего общероссийского учреждения, предложили включить в его структуру такие частные археологические общества, как МАО, ООИД и др., учитывая их «широкую и плодотворную деятельность по сохранению нашей старины» [там же, л. 102]. Данная, зафиксированная в журнале заседания характеристика деятельности частных археологических обществ вызвала нарекания со стороны председателя ИАК Бобринского. К приложению к журналу он специально отметил: «На стр. 5 журнала подчеркнутые карандашом слова «широкую и плодотворную», полагал бы заменить словом «некоторую»» [там же, л. 103]. Это предложение, в свою очередь, уже не нашло отклика у Кондакова, который отказался утвердить данную корректуру [там же, л. 104]. В итоге журнал заседания Особой Комиссии от 14 марта 1905 г. остался без подписи председателя ИАК [там же, л. 102об.].

Следует заметить, что личная неприязнь между Кондаковым и Бобринским тянулась еще со времен назначения последнего председателем ИАК [4, т. 1, с. 245, 247–249], членом которой Кондаков являлся с 1876 по 1891 г., и продолжилась в дальнейшем [там же, с. 301, 304, 332], когда Кондаков состоял уже действительным членом Академии Художеств (с 1893 г.) и возобновил свое членство в МАО (с 1899 г.) [25, с. 365]. Равно как сохранялись и ревностные отношения со стороны археологических обществ, церковных учреждений, государственных ведомств и чиновников по поводу первенствующей роли ИАК в деле систематизации археологических исследований, охраны и учета памятников старины [4, т. 1, с. 183–194, 219–224], в особенности, обострившиеся после закрепления за ИАК права на выдачу Открытых листов [26; 6, с. 549]. Как видно, шлейф былых недопониманий отразился и на работе Комиссии Суходольского, даже несмотря на благую итоговую цель учреждения.

После бурного третьего заседания удалось провести еще три собрания. С учетом того, что одним из ключевых являлся вопрос финансирования проектируемой системы охраны памятников в России, всеми членами Комиссии еще в самом начале своей работы было решено пригласить в ее состав представителя министерства финансов [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 98–98об.]. В итоге им стал член Совета министра финансов, тайн. сов. А. А. Савей-Могилевич [там же, л. 105].

На **четвертом и пятом заседаниях**, состоявшихся, соответственно, **28 апреля и 4 марта 1905 г.**, продолжились обсуждения функций будущих органов по охране памятников (наблюдение, фиксация, ремонт и т.д.). Было отмечено, что в сложившихся внешне- и внутривнутриполитических условиях (русско-японская война, революционные события 1905 г.) препятствием к выполнению ремонтно-реставрационных работ являлось тяжелое финансовое положение России, когда «Государственное Казначейство, обремененное расходами на военные нужды, не в силах давать сколько-нибудь значительных средств делу охранения памятников старины» [там же, л. 118]. Этому имелись практические подтверждения на местах, включая и Крым. Например, в 1904 г. вице-губернатор Таврической губернии Н. Л. Муравьев обратился в МВД с просьбой выделить дополнительное финансирование на ремонт имевших «значительный археологический интерес» мечети Узбека и средневековой церкви в Старом Крыму. Но получил категорический отказ, поскольку согласно «Высочайшему повелению» от 12 июля 1904 г. в условиях военного времени все государственные расходы Российской империи по строительству и капитальному ремонту ограничивались теперь размерами «крайней необходимости, не выходя из тех пределов, в коих они производились в последнее время»

[РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1902 г., д. 29, л. 11–11об.]. Тем не менее, члены Комиссии Суходольского посчитали, что «культурная жизнь страны не должна и не может стоять в зависимости от различного рода преходящих обстоятельств времени» и большинством голосов³ приняли решение, что будущие памятникоохранительные органы, помимо наблюдательных, должны заниматься и исполнительными функциями, включавшими в себя ремонт и восстановление ветхих построек [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 118–118об.].

Принципиальным моментом стало определение, в рамках какого министерства следовало учреждать «центральный охранительный орган», при том, что всячески подчеркивалась необходимость придать ему как можно большую самостоятельность и независимость от действовавших учреждений, интересы которых в обязательном порядке затрагивались в результате его работы [там же, л. 120об.]. Вневедомственный статус заранее был отвергнут, поскольку для этого требовалась сложная законодательная процедура утверждения, на успешное проведение которой в условиях нестабильной социально-политической обстановки сложно было рассчитывать. Поэтому большинством голосов было принято решение рекомендовать высший памятникоохранительный орган учредить в составе министерства Императорского двора, где уже вполне успешно функционировали такие структуры, как ИАК и Академия Художеств. Преимуществом такой субординации среди прочего посчитали близость главы данного ведомства к особе императора, что при необходимости «способствовало бы скорейшему и наиболее полному удовлетворению его насущных нужд» [там же, л. 121].

Шестое заседание состоялось **5 июня 1905 г.** и оказалось последним, хотя изначально планировалось продолжение работы Комиссии Суходольского после «летних вакантов», то есть по окончании сезона отпусков [там же, л. 128–129]. На этом заседании присутствовало всего трое постоянных членов: Бобринской, Султанов и исполнявший обязанности председателя Владимиров. Участники признали, что важным результатом первых пяти собраний стала выработка постановлений о предполагаемых мерах по охране памятников в Российской империи. Эти постановления были оформлены в виде «Основных Положений», состоявших из 11 пунктов, и среди прочего предполагали разделение Империи на 15 археологических округов [там же, л. 131–135; 12, с. 162–167; 11, с. 198–201]. В итоге было принято решение разослать данный проектный документ в максимальное количество заинтересованных правительственных учреждений и общественных организаций (включая Губернские Ученые архивные комиссии) по всей России с целью получения от них квалифицированных откликов и предложений [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 128–129об.]. На этом работа последнего заседания закончилась.

Основной причиной краткосрочности функционирования Комиссии Суходольского (менее 4-х месяцев в совокупности) называлась болезнь её председателя, который начиная с июня 1905 г. был вынужден отсутствовать в Санкт-Петербурге, находясь на лечении минеральными водами за границей [там же, л. 189, 201об.]. Но помимо недуга, звучало мнение и о личных обидах некоторых её членов, не желавших посещать заседания «из-за неудовлетворительного резюмирования» Суходольским ведущихся прений «под влиянием болезненного состояния» [там же, л. 201об.–202]. Кроме того, хронической проблемой оставалась и медленная реакция археологических и исторических обществ на запросы, рассылаемые из МВД. Например, когда в 1906 г. Суходольский выздоровел и был готов возобновить свои председательские обязанности, выяснилось, что из разосланных ранее ДОД МВД по соответствующим организациям 66 циркуляров с «Основными Положениями» ответы были присланы только от трети из них. И это несмотря на повторную рассылку. В связи с чем, решено было отложить созыв Комиссии до получения сведений «по крайней мере, от большинства местных учреждений» [там же, л. 193–193об.].

По Поручению ДОД МВД и при посредничестве таврического губернатора Е. Н. Волкова, 6 июля 1905 г. «Основные Положения» были переданы и в Таврическую учёную архив-

³ Семь голосов против трех. Среди последних традиционные «оппозиционеры» Кондаков и Султанов, а также прямо заинтересованный в минимизации расходов представитель минфина Савей-Могилевич [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 118об.].

ную комиссию (далее – ТУАК) [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3427, л. 2; 17, с. 124–125]. В сопроводительном письме губернатор просил ТУАК прислать свои соображения по этому поводу не позднее 1 октября 1905 г. [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3427, л. 3]. В отличие от многих других научных сообществ, таврические архивисты проявил большую дисциплинированность и практически вовремя отреагировали на запрос из министерства. Заседание, на котором был подробно рассмотрен присланный проект, состоялось 29 сентября 1905 г., а уже 3 октября того же года председатель ТУАК А. Н. Ильин и правитель дел ТУАК А. И. Маркевич направили развернутое представление «о мерах к охранению памятников древности и о разделении Империи на археологические округа» на имя таврического губернатора [там же, л. 5–7]. В свою очередь, губернатор Волков 8 октября 1905 г. полученные из ТУАК документы переслал в столичный департамент общих дел при МВД [там же, л. 4].

В целом, крымские краеведы согласились со всеми пунктами «Основных Положений», в том числе и с отнесением Таврической губернии к 10-му археологическому округу во главе с «Одесским обществом истории и древностей». Но при этом указали на уникальную насыщенность полуострова памятниками старины, имеющими «особо выдающееся значение, как например древности Херсониса, Керчи, Феодосии и многих других мест» и предложили рассмотреть возможность формирования в Таврической губернии отдельного археологического округа [ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 3427, л. 5–7; 17, с. 132].

Особую заинтересованность члены ТУАК высказали в отношении вопроса, стоит ли разрабатываемые правила по охране памятников старины распространять на объекты, расположенные на частных владениях. Ответ местных краеведов был однозначен – «весьма желательно», поскольку в Крыму в частной собственности находилось значительное количество ценных исторических объектов. Например, пещерные церкви на Мангуп-кале и Черкес-Кермене с остатками стенной живописи, сооружения в Старом Крыму, Эски-Сарае, катакомбы в Керчи, многочисленные курганы, древние пещеры, остатки городищ и т.д. При этом большинство частных владельцев «не придает древним памятникам никакого значения и они гибнут». В связи с чем, члены ТУАК предлагали письменно обязывать собственников следить за сохранностью расположенных на их территории памятников древности, ограждать заборами, не использовать для хозяйственных нужд, не раскапывать самостоятельно курганы, городища и могилы без уведомления ответственных учреждений [17, с. 132–133]. Целесообразным посчитали и предложенное Комиссией Суходольского уголовное наказание за умышленную «порчу, присвоение, похищение или уничтожение памятников древности» [17, с. 134]. Столичными заседателями вопрос о наказании за подобные действия был отнесен к числу «неразрешенных» и поэтому они запрашивали мнения провинциального научного сообщества, не следует ли за подобного рода действия сажать виновных в тюрьму на срок от одного до четырех месяцев, а также, независимо от ограничения свободы, обязывать их за свой счет восстанавливать поврежденные памятники [РГИА, ф. 1284, оп. 186, 1901 г., д. 11а, л. 134; 17, с. 132].

В заключение следует отметить, что, несмотря на краткосрочность своей деятельности, подготовленные Комиссией Суходольского «Основные Положения» стали важным заделом в последовавшие позднее попытки государственной власти выработать всеобъемлющие законодательные принципы по охране культурного наследия в Российской империи. Эти «Положения» можно считать главным результатом работы Комиссии Суходольского, которые получили позитивный отклик и со стороны научного сообщества Таврической губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исихора Гольдберга, 1897. 15, XXXIX, 1250 с.
2. Вельяминов Н.А. Воспоминания Н.А. Вельяминова о Д.С. Сипягине // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 6. М., 1995. С. 377–392.
3. Зверев С.В. Дмитрий Сипягин: «Я никому не желал зла». 1853–1902. URL: <https://stzverev.ru/archives/638> (дата обращения: 24.09.2025).
4. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2 т. / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 1616 с.
5. Карапетян Л.А. Охрана культурного наследия в пореформенной Российской империи через призму деятельности парламента начала XX в. Краснодар: Экоинвест, 2023. 286 с.
6. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.
7. Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 107–127.
8. Маркевич Ал.И. О сохранении старинных памятников // Труды XI археологического съезда в Киеве. 1899. Т. II. Отд. III. Протоколы. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. С. 159–161.
9. Мельник А.Г. Интерьер церкви Козьмы и Дамиана в Муроме // Проблемы истории и культуры: Сб. статей / под ред. А.Г. Мельника. Ростов, 1993. С. 129–137.
10. Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века. Нижний Новгород, 2009. 154 с.
11. Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I / Авт.-сост. Л.Б. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П. Сухман. М.: Изд-во «Весь мир», 2000. 528 с.
12. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв.: Сборник документов / Сост. К.М. Пескарева и др. М., 1978. 356 с.
13. Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. А.С. Щенкова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 528 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1881.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.
16. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.
17. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 29 сентября 1905 года // ИТУАК. 1906. № 39. С. 124–141.
18. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды НИИ музееведения. Вып. 1: История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 73–128.
19. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (XVIII – первая половина XIX в.) // Труды НИИ культуры. Вып. 7: Очерки по истории музейного дела в России. М., 1971. С. 292–365.
20. Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т. 12. Ч. I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. СПб.: Тип. II-го Отд. СЕИВ Канцелярии, 1857.
21. Свод законов Российской империи. Издание 1892 года. Т. 1. Ч. 2. Свод учреждений государственных. Кн. 5. Учреждения министерств. СПб., 1892.
22. Свод законов Российской империи. Издание 1892 года. Т. 2. Свод губернских учреждений. СПб., 1892.
23. Свод законов Российской империи. Издание 1900 года. Т. 10. Ч. 1. Свод законов гражданских. СПб., 1900.
24. Свод законов Российской империи. Издание 1900 года. Т. 12. Ч. 1. Устав строительный / Издание неофициальное. Сост. О.П. Бертинский. СПб.: Изд. Я.А. Канторовича, 1902. 343 с.
25. Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / Отв. ред. А.К. Гаврилов. Т. 1: А–К. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. xxxvi+426 с.
26. Смирнов А.С. «Признать в Императорской Археологической комиссии правительственный центр» // ПИФК. 2011. № 2. С. 395–408.
27. Смолин В.Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 121–148.
28. Филюшкин А.И. Чужое прошлое? Какие памятники истории искала Россия на своих восточных окраинах // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 79–96.
29. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
30. Чернышев В.Я. Шатровая церковь Козьмы и Дамиана в Муроме. Исторический очерк. Муром, 2008. URL: http://www.rusarch.ru/chernyshev_v5.htm (дата обращения: 24.09.2025).
31. Шаманаев А.В. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 199 с.
32. Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие / науч. ред. А.С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.

33. Циркуляр министра внутренних дел губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам. 6-го сентября 1901 г. № 10 // Правительственный вестник. 1901. № 200. 12(25) сент. 1901 г.
34. Энговатова А.В., Сазанов А.В. Актуальные проблемы сохранения археологического наследия и современное законодательство // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы IX Международной научной конференции (Севастополь, 2–7 июня 2025 г.) / отв. ред. Ю.А. Пронина; ред.-сост. Н.В. Гинькут. М., 2025. Т. 2. С. 187–195.

REFERENCES

1. *Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deiatelei* [The Almanac of modern Russian statesmen]. St. Petersburg, Isidor Gol'dberg Publ., 1897, 1250 p.
2. Vel'iaminov N.A. Memoirs of N.A. Velyaminov about D.S. Sipyagin. *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [The Russian Archive: The History of the Fatherland in the certificates and documents of the XVIII–XX centuries]. Vol. 6. Moscow, 1995, pp. 377–392.
3. Zverev S.V. Dmitry Sipyagin: "I did not wish harm to anyone." 1853–1902. URL: <https://stzverev.ru/archives/638>
4. Musin A.E., Medvedeva M.V. (Eds.). *Imperatorskaia arkhelogicheskaiia komissiiia (1859–1917): istoriia pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniia rossiiskoi arkhelogii ot osnovaniia do reform* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the history of the first state institution of Russian archeology from its foundation to its reform]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2019, 1616 p.
5. Karapetian L.A. *Okhrana kul'turnogo naslediiia v poreformennoi Rossiiskoi imperii cherez prizmu deiatel'nosti parlamenta nachala XX v.* [Protection of cultural heritage in the post-Reform Russian Empire through the prism of the activities of the Parliament of the early 20th century]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2023, 286 p.
6. Klein L.S. *Istoriia rossiiskoi arkhelogii: ucheniia, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchii obzor i dorevoliutsionnoe vremia* [The history of Russian archaeology: teaching, school, persons. Vol. 1. Overview and pre-revolutionary times]. St. Petersburg, Evrazia Publ., 2014, 704 p.
7. Kryzhanovskii S.E. Notes of a Russian conservative. *Voprosy Istarii* [Voprosy Istarii], 1997, no. 4, pp. 107–127.
8. Markevich A.I. On the preservation of ancient monuments. *Trudy XI arkhelogicheskogo s'ezda v Kieve. 1899* [Proceedings of the XI Archaeological Congress in Kiev. 1899]. Vol. 2. Moscow, Pechatnia A.I. Snegirevoi Publ., 1902, pp. 159–161.
9. Mel'nik A.G. Interior of the Church of Kozma and Damian in Murom. A.G. Mel'nik (ed.), *Problemy istorii i kul'tury* [Problems of history and culture], Rostov, 1993, pp. 129–137.
10. Mikheeva I.V. *Pravotvorcheskaia deiatel'nost' Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii po okhrane pamiatnikov istorii i kul'tury v XIX – nachale XX veka* [Law-making activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire for the protection of historical and cultural monuments in the XIX – early XX century]. Nizhnyi Novgorod, 2009, 154 p.
11. Karpova L.B., Potapova N.A., Sukhman T.P. (Eds.). *Okhrana kul'turnogo naslediiia v dokumentakh XVII–XX vv. Khrestomatiia* [Protection of cultural heritage in documents of the XVII–XX centuries]. Vol. 1. Moscow, Ves' mir Publ., 2000, 528 p.
12. Peskareva K.M. (Ed.). *Okhrana pamiatnikov istorii i kul'tury v Rossii. XVIII – nachalo XX vv. Sbornik dokumentov* [Protection of historical and cultural monuments in Russia. XVIII – early XX centuries]. Moscow, 1978, 356 p.
13. Shchenkov A.S. (Ed.). *Pamiatniki arkhitektury v dorevoliutsionnoi Rossii: Ocherki istorii arkhitekturnoi restavratsii* [Architectural Monuments in Pre-Revolutionary Russia: Essays on the History of Architectural Restoration]. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2002, 528 p.
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoj imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The second meeting]. St. Petersburg, 1830–1881.
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of Laws of the Russian Empire. The third meeting]. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1885–1916.
16. Poliakova M.A. *Okhrana kul'turnogo naslediiia Rossii: ucheb. posobie dlia vuzov* [Protection of cultural heritage of Russia]. Moscow, Drofa Publ., 2005, 271 p.
17. Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archival Commission on September 29, 1905. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], Simferopol, 1906, no. 39, pp. 124–141.
18. Razgon A.M. Protection of historical monuments in pre-revolutionary Russia (1861–1917). *Trudy NII muzeovedeniia. Vyp. 1: Istoriia muzeinogo dela v SSSR* [Proceedings of the Research Institute of Museology. Issue 1: The history of Museology in USSR], Moscow, 1957, pp. 73–128.
19. Razgon A.M. Protection of historical monuments in pre-revolutionary Russia (XVIII – the first half of the XIX century). *Trudy NII kul'tury. Vyp. 7: Ocherki po istorii muzeinogo dela v Rossii* [Proceedings of the Research Institute of Culture. Issue 7: Essays on the history of museum business in Russia], Moscow, 1971, pp. 292–365.

20. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1857 g.* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1857]. Vol. 12, part 1. St. Petersburg, Tipografia II-go Otdeleniia SEIV Kantseliarii Publ., 1857.
21. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1892 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1892]. Vol. 1, part 2. St. Petersburg, 1892.
22. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1892 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1892]. Vol. 2. St. Petersburg, 1892.
23. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1900 goda* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1900]. Vol. 10, part 1. St. Petersburg, 1900.
24. Bertinskii O.P. (Ed.). *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1900 goda. Izdanie neofitsial'noe* [The Code of Laws of the Russian Empire. Edition of 1900. The publication is unofficial]. Vol. 12, part 1. St. Petersburg, Y.A. Kantorovich Publ., 1902, 343 p.
25. Gavrilov A.K. (Ed.). *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka* [Dictionary of St. Petersburg antiquarians of the XIX – early XX century]. Vol. 1. St. Petersburg, Bibliotheca classica Petropolitana Publ., 2021, 426 p.
26. Smirnov A.S. “To recognize the government center in the Imperial Archaeological Commission”. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2011, no. 2, pp. 395–408.
27. Smolin V.F. A brief outline of the history of legislative measures for the protection of ancient monuments in Russia. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission], 1917, vol. 63, pp. 121–148.
28. Filyushkin A.I. Strange foretime? What historical monuments Russia was looking for on its Eastern boundaries. *Novoe proshloe* [The New Past], 2018, no. 1, pp. 79–96.
29. Formozov A.A. *Ocherki po istorii russkoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, 128 p.
30. Chernyshev V.Ia. *Shatrovaia tserkov' Koz'my i Damiana v Murome. Istoricheskii ocherk* [Tent church of Kozma and Damian in Murom. Historical Essays]. Murom, 2008. URL: http://www.rusarch.ru/chernyshev_v5.htm
31. Shamanaev A.V. *Voprosy okhrany kul'turnogo nasledii na vserossiiskikh arkheologicheskikh s"ezdakh (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Issues of protection cultural heritage at All-Russian Archaeological congresses (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2017, 199 p.
32. Shamanaev A.V., Zyrianova S.Iu. *Okhrana kul'turnogo nasledii v Rossiiskoi imperii: uchebnoe posobie* [Protection of cultural heritage in the Russian Empire]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2018, 132 p.
33. Circular from the Minister of the Interior to the governors, mayors and chief police officers. On September 6, 1901, No. 10. *Pravitel'svennyi vestnik* [Government Bulletin], 1901, 12(25) sept., no. 200, p. 1.
34. Engovatova A.V., Sazanov A.V. Current problems of preservation of archaeological heritage and modern legislation. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy IX nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, international, religious, and political connections of the Crimea, Mediterranean, and Oriental countries: Materials of the scholarly conference]. Vol. 2. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS Publ., 2025, pp. 187–195.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAC-3468-2019.